

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

СНИФ ЗА КАРТИНОЙ
КОРОВИНА

Анна Князева
Сейф за картиной Коровина
Серия «Людмила Дайнека», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6359629

Сейф за картиной Коровина : роман / Анна Князева: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-66390-3

Аннотация

Дайнеке уже не первый раз снился этот сон: женщина в красном платье пытается скрыться от убийцы, но он все же настигает ее... Приняв сон за предостережение, она решила узнать, у кого из ее родных и друзей есть красное платье, и увидела его на своей подруге Нине...

Войдя в подъезд, Дайнека заметила: в прихожей соседней квартиры, где жила Нина, горит яркий свет. Дайнека распахнула дверь и наткнулась на подругу, лежащую у порога. Вокруг нее растекалась красная лужа, похожая на вино...

Когда-то Нина рассказывала о сокровищах, доставшихся ей от предка – владельца золотых приисков. Кожаная коробка была наполнена драгоценностями больше чем наполовину: старинные колье, браслеты, украшенные изумрудами и сапфирами, кольца, жемчуг. Сейчас сейф, в котором хранилась коробка, оказался пуст...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	26
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	66
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Анна Князева

Сейф за картиной

Коровина

Пролог

Женщина в красном платье мелькнула среди деревьев запекшимся сгустком крови. Осталось несколько шагов, и уже слышалось прерывистое дыхание, как вдруг за пределами сада пророкотал гром. Дайнека посмотрела вверх: непроглядные облака затянули небо. Вокруг стало темней и глуше.

Опустив глаза, она остановилась как вкопанная – мгновение назад женщина шла впереди и вдруг пропала.

Прижавшись к дереву, Дайнека огляделась. Из темноты, размахивая косматыми лапами, подступали кустарники, и не было ни малейшего сомнения в том, что стоит только войти в эти заросли – с ней непременно случится самое страшное.

Деревья испуганно зашумели, по саду пронесся зловеющий гул. Все здесь было необъяснимо враждебным, от чего сделалось по-настоящему жутко.

Сквозь шум ветра и шуршание листвы она слышала недовольное бормотание и глухие, тяжелые звуки, будто дух лесной, недовольный ее вторжением, досадливо стучал по

земле копытом.

Дайнека обогнула кривое дерево и застыла от ужаса. В темноте она увидела странное существо. Его силуэт был неопределенным и постоянно меняющимся – он то выпрямлялся и вытягивался, то сжимался и замирал у самой земли, издавая при этом тревожившие ее звуки.

Вглядевшись, она едва удержалась, чтобы не закричать: это был человек невыразимо мерзкий, похожий на лохматого зверя. Изогнувшись, он замер, потом хищно вывернул голову и заглянул прямо в ее душу...

Ужас сковал ее тело, не оставляя ни шанса на спасение. Теперь она знала наверняка – здесь происходит нечто противоестественное, чего не в силах вынести человеческое сознание. Но в тот момент, когда надежда была потеряна, возникшая между деревьях прогалина указала ей спасительный путь.

Дайнека бежала долго, пока не поняла, что вокруг нее решительно ничего не меняется: кривое дерево остается на том же месте, призрачная прогалина по-прежнему маячит далеко впереди. Преодолевая вязкое сопротивление воздуха, она отчаянно рванулась вперед, но вдруг поняла, что больше не владеет своим телом. В груди будто раскачивался и стучал какой-то гигантский маятник. Казалось, грудная клетка не выдерживает этих мощных ударов, раскачивается и сотрясается им в такт. Голова кружилась, и была странная уверенность в том, что сознание существует отдельно от тела, ко-

торое сделалось таким немощным, что и не претендовало на соучастие.

Земля под ней провалилась, из груди вырвался немой вопль, и Дайнека стремительно заскользила вниз. А потом полетела, широко раскинув руки, подобно парашютисту.

Издалека доносился глухой бой барабана, и она уже знала, что время пошло...

Дайнека открыла глаза и села на край кровати. Сердце бешено колотилось. Комната казалась чужой.

Ночное видение ускользало, и ей никак не удавалось его удержать. Запомнились только страх, ощущение беспомощности и предчувствие чего-то страшного, что могло случиться с нею и чего, проснувшись, она избежала.

Напольные часы в гостиной продолжили отбивать время.
– ...Четыре... – прошептала Дайнека, когда последний гулкий звук, выкатившись из длинного коридора, достиг наконец ее комнаты.

В доме воцарилась тишина.

Утренний свет прибывал с каждой минутой. Ночь уходила, а вслед за ней уползали ночные страхи. В открытое окно доносилось прерывистое, по-утреннему резкое чириканье птиц.

Дайнека ощутила себя такой одинокой, словно на всем белом свете не было ни одного живого человека, кроме нее. И только настойчивый, нескончаемый гул притихшего на ночь

мегаполиса, казалось, исходил из самых недр земли, где никогда не замирала неведомая ей жизнь.

В комнату залетел ветерок, прошелся по телу и рассеялся, оставив на коже зябкие пупырышки. Кружевная занавеска еще колыхалась, постукивая деревянными кольцами, когда из двора слышались шаркающие, размеренные звуки метлы дворника.

Завернувшись в одеяло, босая, она побрела по темному коридору, включая по пути все, что могло светиться. Сонная квартира нехотя оживала и без особой радости впускала ее в свою пустоту. Было немного жаль себя, маленькую, испуганно бредущую по пустым комнатам.

Нащупав на стене очередной выключатель, она щелкнула им и задержалась у зеркала. На нее удивленно смотрела заспанная физиономия. Короткие темные волосы смешно распушились над загорелым лицом.

Приблизившись к зеркалу так близко, что кожей ощутила холод стекла, Дайнека внимательно разглядывала свое лицо, пытаясь отыскать в нем отголосок ночных видений. Но тщетно: сквозь золотистую кожу пробивался яркий румянец, указывая на отменное здоровье и неплохой аппетит к жизни; изящный, слегка вздернутый нос выражал наивысшую степень любопытства...

– Не похожа ты, Дыня, на испуганную сиротку, – вслух произнесла она и пригладила пальцем брови. Каштановые волоски в них стекались, как ручейки в реку, и эти две шел-

ковистые «речки» были безукоризненными по форме, но удивленно приподнятыми от страха, который она испытала во сне.

О чем был тот страшный сон, решительно забылось.

Дайнека отступила от зеркала и распахнула одеяло. Она, хоть и была невысокого роста, имела стройное тело, узкие бедра, немного широковатые плечи и маленькую грудь. Но это отнюдь не портило впечатления, а наоборот, делало ее похожей на подростка, вносило во внешность пикантную остроту и придавало изысканную завершенность ее облику.

– Чучело... – буркнула она, отвернувшись от зеркала и проследовала на кухню.

Холодильник ничем ее не обрадовал: упаковка засохшего хлеба и молоко. Дайнека достала стакан, привычным движением опрокинула молочный пакет, ожидая, когда иссякнет тонкая струйка. И она закончилась на половине стакана.

Отхлебнув глоток, Дайнека подтянула гирьку стареньких ходиков. Кошачьи глазки беспечно перекатывались из стороны в сторону, усы показывали время – без четверти пять.

Развернувшись, она уселась на подоконник. В окне напротив стояла женщина в розовом и, прильнув к распахнутой створке, грустно смотрела вниз.

Дайнека тоже опустила глаза. Старый московский дом каменным коробом обрамлял тесный дворик. Детская площадка с песочницей и качелями да пара скамеек, свежескрашенных и от того вызывающе ярких, – вот и все, что

могло поместиться внутри этого урбанистического колодца. Жалкие клочки зелени отчасти оживляли безрадостное пространство, но все вокруг было серым и невыразительным.

Заметив Дайнеку, женщина вздрогнула и отшатнулась. Ее хрупкая фигурка растворилась в глубине комнаты.

Глядя на исчезающий силуэт, Дайнека вдруг вспомнила ужас, который испытала во сне. Отступившие страхи вновь овладели ею. Добежав до кровати, она нырнула под одеяло. Стараясь успокоиться, снова и снова гадала, кто была та женщина, бежавшая по таинственному саду навстречу обитавшей во мраке нечисти. Кошмар возродился в памяти до мельчайших подробностей. Дайнеку осенило: это – Предостережение. Предостережение, адресованное женщине в красном, чье имя ей пока неизвестно.

Воображение искало нужный образ, уводя в глубины сокровенных переживаний. Знакомая с детства тоска наполнила душу, и было невыносимо оставаться наедине с нахлынувшим одиночеством.

Вскочив с кровати, Дайнека натянула джинсы и, бросив в пакет пару футболок, взяла ключи от машины.

Вскоре она уже ехала в сторону отцовской дачи.

Глава 1

Настя

Искаженный прямоугольник солнечного света раскинулся по кровати, накрывая собой едва ли не половину ее. Горячие лучи нагревали постель, а заодно хорошенькую розовую пятку.

Не открывая глаз, Настя поджала ногу. Она уже проснулась, но вставать не хотелось. Это были мгновения сладкой дремы, когда никуда не нужно спешить. Из кухни долетал волшебный запах горячих булок. Мать Насти, Серафима Петровна, как всегда, исправно хозяйничала на даче, которая на самом деле была двухэтажным кирпичным домом. Настя круглый год жила здесь с матерью и гражданским мужем Славиком, Вячеславом Алексеевичем Дайнекой. Он в шутку называл ее «младшей женой», а в своей городской квартире, где осталась его дочь, бывал только наездами.

Перевернувшись на бок, Настя, не открывая глаз, осторожно провела ладонью по соседней подушке, убеждая себя в том, что это ей не приснилось: Славик действительно в отъезде. Впереди – целые сутки, и она начала прикидывать, как распорядиться вожаделенной свободой.

Из гостиной, с первого этажа, донеслись голоса. Разговаривали две женщины, и одной из них определенно была ма-

ма, а другой...

Так и есть, приехала дочь Славика Людмила. Или, как она любила сама себя называть, Дайнека. Это был худший момент для ее появления здесь. Теперь рухнули все планы.

Настя вскочила с кровати.

– Мерзавка... Наверняка знала, что Славик в отъезде... – Она растерянно опустилась в кресло.

Оказаться мачехой взрослой девушки, едва ли не своей ровесницы, – такой вариант судьбы никогда не рассматривался ею всерьез. Но это было одним из условий игры во взрослые отношения. И вместе с материальным благополучием, хорошим домом, машиной и дорогой одеждой, которые она получала от Вячеслава Алексеевича, ей досталась Дайнека – как неизбежное следствие неравного брака. По эгоистической привычке избавляться от всего, что мешало наслаждаться жизнью, Настя избегала даже думать о ней, но была не в силах выкинуть «падчерицу» из своей жизни.

На даче для Дайнеки всегда была приготовлена комната. Она же редко приезжала сюда. А если такое случалось, целыми днями где-то пропадала, а по вечерам уединялась у себя или шушукалась о чем-то с отцом в гостиной.

И Настя, и Серафима Петровна были чрезвычайно добры к ней. Но Дайнека в этом, как видно, не нуждалась и не слишком любезничала со своими новоиспеченными родственниками.

Однажды, рассматривая семейный альбом Вячеслава

Алексеевича, Настя обнаружила в нем свою фотографию, которой не помнила. Улыбаясь, она стояла перед кустом цветущей сирени. Короткие обесцвеченные волосы, сияющая улыбка, светлые, слегка навывкате, большие глаза и прямой носик вызвали у нее стихийный порыв самолюбования. Особенно хороши были ее ноги. Она и не предполагала, что они такие стройные, по привычке считая их самым уязвимым местом своей хорошенькой фигурки. С такими данными, подумалось ей, можно было бы сделать карьеру покруче.

Однако, присмотревшись, насторожилась: что-то здесь не так. Почему фотография черно-белая? И платье на ней какое-то старомодное, хотя и такое же короткое, какие она обычно носила. Прическа тоже давно не в моде...

– Это моя жена, – услышала Настя голос Вячеслава Алексеевича.

Он забрал у нее альбом, давая понять, что не намерен продолжать объяснения.

Потрясенная таким неправдоподобным сходством, Настя все же смогла заметить его смущение. Как будто открылось тайное обстоятельство, о котором он никому не хотел рассказывать, в особенности ей.

Ее охватило чувство, похожее на злорадство, сродни ощущению власти над ставшим вдруг зависимым от нее человеком. Теперь многое прояснилось: Славик все еще любит свою жену. Легкое чувство уязвленности было ничем в сравнении с открывшимися возможностями повелевать им.

Ей не терпелось стать полновластной хозяйкой всего, чем она уже пользовалась «на птичьих правах», как говорила ее мудрая мама. Теперь переход гражданского брака в официальный был вопросом времени, но не обстоятельств. Настя настойчиво продвигалась к своей цели, была осторожна и осмотрительна, старалась не совершать ошибок, хотя у нее случались промахи. Одной из ее неудач стала Дайнека.

Их отношения все больше приобретали характер изнурительного поединка. А ведь в самом начале знакомства Насте казалось, что она сумеет подобрать ключик к этой девчонке. Предположив, что Дайнека не сможет избежать той же психологической зависимости, что была у ее отца, Настя попыталась сблизиться с нею. Но получила решительный отпор. Дайнека отгораживалась от нее, а иногда откровенно дерзила. Окончательно их отношения прояснило четверостишие, которое появилось в маленькой записной книжке.

Странная привычка Дайнеки иногда сочинять стишки раздражала Настю и одновременно вызывала любопытство. Она частенько посмеивалась, тайком заглядывая в ее записи. Но в тот раз ей было не до смеха.

Ты так умело пользуешься сходством
С единственной женщиной на свете...
Отцы не в силах распознать уродства,
На помощь в этом им даются дети...

Прочитав это, Настя вспыхнула гневом и затаилась.

Затянувшийся конфликт постепенно перешел в борьбу за внимание и любовь главы семейства. Но Вячеслава Алексеевича в эти сложные отношения ни та, ни другая сторона старались не посвящать. И у каждой имелись на то свои резоны...

Услышав голос «падчерицы», Настя резко поднялась с кресла, толкнув при этом прикроватную тумбочку, отчего чайная пара на ней обиженно задребезжала. По дороге в гостиную она придумывала, как сбежать сегодня из дома. Перебирая в уме различные предлоги и способы, не могла остановить свой выбор ни на одном. В груди поселилось неуютное чувство, которое всегда возникало перед тем, когда приходилось кого-то обманывать.

К слову сказать, делать это приходилось все чаще.

Она первой увидела Дайнеку – та, поджав ноги, в задумчивости сидела на диване. Взглянув на ее узкую спину и по-детски тонкую шею, Настя поймала себя на мысли о собственной раздвоенности. В душе происходила борьба между симпатией, которая иногда возникала к этой девчонке, и неприязнью, которую она испытывала к ней всегда.

Обозлившись на себя за непростительную слабость, она приняла окончательное решение непременно поехать куда-нибудь сегодня вечером и как следует оттянуться. Даже будучи раскрытой, она уже не проиграет. Благоприятный перелом в отношениях со Славиком произошел, а любящая дочь не станет травмировать отца, промолчит. Залогом то-

му – ее благородство, та самая «голубая кровь», которой нет у Насти и за которую она ненавидит «падчерицу» со всей непримиримостью своего незавидного происхождения.

– Где отец? – спросила Дайнека.

«Тварь лицемерная... – мысленно усмехнулась Настя. – Наверняка знает, что Славика нет на даче, потому и приехала – шпионить». Но вслух ответила почти ласково:

– Улетел в Нижневартовск, вернется завтра после обеда. Рада тебя видеть. Давно ты у нас не была.

– Я тоже рада, – ответила Дайнека. И, соскользнув с дивана, направилась к лестнице. – Послушай... – Она обернулась. – У тебя нет красного платья?

– Собираешься куда-то? – спросила Настя.

– Нет, просто интересуюсь...

– Именно красное? Бордовое, скажем, не подойдет?

– Нет! – Дайнека в несколько прыжков оказалась на втором этаже.

– Идиотка... – тихо ругнулась Настя. А потом тоже поднялась в свою комнату.

Их со Славиком спальня находилась на втором этаже, сразу у лестницы. Но у нее была еще одна, своя, в конце коридора. Просторная комната с косым потолком. Маленький балкон выходил в сад с торцевой стороны дома, и отсюда было хорошо видно гараж, в котором стояла «Тойота», подаренная ей недавно Славиком.

Облокотившись на перила, Настя попыталась на глаз

определить расстояние до земли. Оно было не меньше четырех метров. Раньше ей казалось, что здесь не так высоко...

Она вернулась в комнату. Прореженный листвою солнечный свет веселыми пятнышками рассыпался по голубому, в цветах ковро, по миленьким обоям и дивану, на котором расположились ее любимые игрушки.

На каждый день рождения или мало-мальски заметный праздник друзья дарили Насте бессчетное количество этого необременительного зверья.

— Уж лучше бы дите родила, все было бы меньше пыли, — бурчала обычно Серафима Петровна, орудуя пылесосом, и дочь немедленно выходила из комнаты, потому что эти слова причиняли ей боль.

Настя не могла иметь детей. Вернее, уже не могла. Но матери ничего не говорила, потому что давно прошло то время, когда еще можно было что-то изменить или это имело хоть какое-то значение.

К счастью, Славик не заговаривал о детях. И она догадывалась почему: просто он не любил ее. Или любил, но как-то очень по-своему.

Настя и не желала, чтобы ее любили. Нежная привязанность мужа усложнила бы ее жизнь, ограничивая личную свободу ненужными угрызениями совести. Обман любящего или нелюбящего мужа, по убеждению Насти, были проступками разной степени тяжести. Стремясь к материальному процветанию, она наперед знала, чем собирается платить

по счетам. Приносить в жертву свою молодость без остатка, жить интересами стареющего мужа – совсем не входило в ее планы. Свободное сердце жаждало романтических приключений. Идея любовного реванша неодолимо захватывала ее, лишая порой рассудка. Зов плоти в такие моменты становился сильнее врожденного прагматизма. И тогда, кто знает, что бы произошло, если бы не ее здравомыслящая мать...

Покружив по комнате, Настя снова вышла на балкон. Внимательно обвела взглядом сад, хозяйственные постройки за огородом и, заметив около них приставную лестницу, воспряла духом. Это было именно то, что могло ее выручить.

На кухне гремела посудой Серафима Петровна – приближалось время обеда. Притворив за собой дверь комнаты, Настя прокралась по коридору и спустилась в гостиную, а затем незаметно выскользнула из дома.

Потемневшая от времени лестница оказалась невероятно тяжелой. Настя с большим трудом дотащила ее до балкона, изрядно перепав при этом любимый цветник Серафимы Петровны. Пристроив лестницу к балконному карнизу, она вернулась по ней в свою комнату. Оставалось только дожидаться наступления темноты.

Обедали втроем – Дайнека тоже спустилась в столовую и при этом была очень мила.

Настя решила не посвящать мать в свои планы и, отобедав, удалилась в свою комнату. Провернув ключ в дверном замке, крутнулась на каблуках и послала воздушный поце-

луй своему отражению в зеркале.

Оставшееся время было проведено с пользой. Сегодня она была готова к любому «кастингу». В белом платье с открытыми плечами – маленькое наваждение с бархатной загорелой кожей и интригующими, зовущими за собой, бесслезно-золотистыми глазами.

Стемнело. Выглянув из комнаты, Настя громко, так, чтобы слышала Дайнека, прокричала матери:

– Мама, я не буду пить чай, лягу сегодня пораньше!

– Не заболела?

– Нет, – отмахнулась она и, захлопнув дверь, двинулась на балкон.

Настя уже подтянула подол и без того короткого платья, намереваясь перелезть через балконные перила на приставленную лестницу, но, заглянув вниз, обескураженно замерла.

Лестница исчезла.

– Вот это я называю ударом ниже пояса...

Не нужно было ломать голову над тем, кто устроил этот «сюрприз». Конечно, Дайнека. Только она была способна на такое.

– Какая же ты тварь... Ненавижу... ненавижу тебя!

Настя решительно вскинула голову, вытерла проступившие от обиды слезы и кинулась к двери, забыв одернуть подол платья, поднятый выше «критической отметки».

С грохотом распахнув дверь, она столкнулась в коридоре

с Дайнекой и сквозь зубы процедила:

– Слишком много на себя берешь...

Затем, печатая шаг, проследовала к выходу.

– Как же так... – встревоженно пробормотала Серафима Петровна и побежала следом за дочерью. – Юбочку-то, юбочку поправь! Куда ты... на ночь глядя...

Когда, оказавшись в своей комнате, Дайнека легла в постель, в голове сами собой сложились строчки, и она тут же произнесла их вслух:

– Когда бы ты длину носила,

Какую позволяют ноги,

О, как бы ты была красива,

При всех своих изъянах многих...

Ответом ей был звук отъезжающей «Тойоты».

Ворочаясь в постели, Дайнека думала о том, что не испытывает ненависти к Насте. Старалась убедить себя в ее любви к отцу. И если ему хорошо, пусть будет, как будет. Тем более что совета у нее не спросили.

Настя-Здрастя, как прозвала «мачеху» Дайнека, была не очень умна, во всяком случае, обременительна в общении. Где бы ни появилась, она всегда оказывалась некстати и не вовремя. Однако внешне была вполне хороша. Подкачали только ноги, явно не дотягивавшие до светского стандарта.

Но, как говорится, есть места поважнее...

Дайнека готова была мириться с кем угодно, только бы не

увидеть еще раз сторбленную отцовскую спину, как в день отъезда мамы. Отъезда, который правильнее было бы называть бегством.

Появляясь на даче, Дайнека с утра уезжала на велосипеде к реке, а по вечерам старалась не выходить из своей комнаты. Одиночество в такие моменты казалось ей меньшим из зол.

Конечно, при первой встрече Дайнека была шокирована внешним сходством Насти с мамой, наивно предположив, что за этим кроется какой-то особый промысел Судьбы. Но хватило одного совместного чаепития, чтобы от иллюзии не осталось и следа.

Дайнека утешала себя мыслью, что союз с такой женщиной обречен, надолго отца не хватит. Но время шло, и Настя оставалась в их жизни, а с ней и Серафима Петровна, ее мать. Обе стали часто появляться в их квартире. Потом как-то незаметно мать с дочерью перебрались на дачу. Сначала на лето. Но остались на осень, на зиму и на весну.

Дайнека никогда не чувствовала себя хозяйкой на даче. Эту роль самонадеянно присвоила Серафима Петровна. Улыбаясь и сладенько вздыхая, она ходила за Дайнекой по пятам и со значением выключала оставленный ею свет. На повестке дня была бережливость.

Дом и участок неузнаваемо преобразились, наполнившись уютом и целесообразностью. Во всем чувствовалась новая хозяйская рука. На мебели в гостиной появились чехлы (никому и в голову не приходило сказать, что они

неуместны), на окнах – новые занавески. Часть предметов обстановки переместилась на более подходящие места. Даже в спальне Дайнеки произошли не согласованные с нею перемены, причем кое-что из ее мебели перекочевало в комнату Серафимы Петровны. А еще в доме прижилось немало занятных вещей.

Демонстрируя произведенные усовершенствования, Серафима Петровна подолгу восхищалась сама собой и назойливо вопрошала:

– Правда же, стало лучше? Ведь правда?

Таким образом, дачный, по замыслу, дом получил статус полноценного загородного жилья. Но главным, что делало его семейным очагом, стало обилие мудреной кухонной утвари. С ее помощью Серафима Петровна творила свои кулинарные чудеса, отчего в доме всегда пахло вкусной едой и рукотворным достатком. У всякого, кто переступал его порог, радостно учащался пульс...

Серафима Петровна, располневшая от прожитых лет и часто употребляемой выпечки, сама напоминала пышный хлеб, только что вынутый из печки: румяная, большеглазая, с объемным, туго стянутым бюстом. Никто, кроме дочери, не догадывался, какое нежное женское сердце бьется в ее груди. И если бы помимо похвал в адрес ее стряпни и хозяйской сметки ей изредка говорили о том, как хороши ее глаза и ямочки на пухлых руках, она бы наверняка успевала переделывать вдвое больше дел.

Неизменным атрибутом внешности Серафимы Петровны была чистая накрахмаленная косынка поверх прически. Ни один волос не смел выбиться из-под нее, дабы не оказаться в чьей-то тарелке. Она была по-немецки аккуратна и точна в действиях.

Появившийся в саду огородик год от года становился все больше. И в период летних заготовок соседи надолго лишались покоя из-за колдовских запахов солений и варений, секреты которых Серафима Петровна не открывала даже дочери. Впрочем, Настя не очень-то ими интересовалась.

Нельзя сказать, что вся энергия этой неутомимой труженицы шла на мирные цели. Значительная ее часть отдавалась тому, что отличает обычного человека от идеала. Осознавая свою значимость в доме, Серафима Петровна жаждала всеобщего признания, не забывая напоминать, как трудно все успевать и сколько сил она положила на алтарь всеобщего благополучия. Никто и не возражал ей.

Просто Дайнека перестала бывать на даче.

А папа перестал бывать в городской квартире.

Часто, возвращаясь из очередной командировки, он приезжал туда из аэропорта, но только за тем, чтобы переночевать. А утром уезжал на дачу.

Настя-Здрастя выиграла. Или, как сказала бы Серафима Петровна, вытащила счастливый билетик для себя и своей мамы.

С фактом существования Насти Дайнеку мирила только

уверенность в том, что отец вполне устроен.

Именно с этой мыслью Дайнека наконец уснула.

Проснулась она от того, что слышала, как у ворот дачи одна за другой остановились две машины. С улицы раздавались негромкие голоса. Настин настойчиво приглашал гостя зайти и чего-нибудь выпить. Второй – красивый, переливчатый баритон – отнекивался, ссылаясь на позднее время.

Дайнека посмотрела на часы. Стрелки показывали, что уже наступило утро.

Она больше не могла спать, слушала голубиное воркование «мачехи». Ее все больше раздражало от возмущения и обиды за отца. Понимая, что, в конце концов, мужчина зайдет в дом, Дайнека вместе с одеялом и подушкой мгновенно слетела вниз, в гостиную. Для подпитки артистизмахватила рюмку коньяку и улеглась на диван.

Стараясь никого не разбудить, двое тихо вошли в дом и у самого входа остановились. Дайнека отчетливо разглядела – они целуются.

– Доброе утро, – громко сказала она, и парочка немедленно разбежалась.

– Доброе утро, – чуть ли не хором ответили ей.

Рядом с Настей стоял высокий темноволосый парень. Рельефные руки, развитый торс и крепкая шея – словом, записной «качок». У него были правильные черты лица без излишней миловидности, что, по нынешним временам, встретишь не часто. Глаза немного раскосые, а взгляд – невероят-

но теплый, ласковый.

Он был очень хорош собой. Пожалуй, слишком хорош для Насти. Здесь Настя-Здрастя явно прыгнула выше своей головы.

– Простите, если разбудили вас, – торопливо проговорил «качок». – Меня зовут Вилор, я зашел попрощаться с Настенькой.

Не понимая, как Дайнека оказалась в гостинной, Настя-Здрастя растерялась, но смотрела на девушку с большим подозрением. Все шло не так, как ей хотелось, и она попыталась объясниться:

– Мы только...

Запнувшись, Настя указала на Дайнеку и неожиданно выпалила:

– Знакомься, это моя родственница!

– Настя стесняется сказать, что я ее падчерица, – пояснила веселенькая Дайнека. И улыбнулась Насте: – Правда, мамуля?

Гость скомканно попрощался и вышел. Через минуту они услышали, как его машина уехала.

Не пытаясь сдерживать ярость, Настя прошипела:

– Для чего ты выставила меня на посмешище?

– Разве? – с вызовом возразила Дайнека. – Мне кажется, ты и сама с этим прекрасно справляешься.

– Я... – хотела продолжить Настя.

Но Дайнека оборвала ее:

– Знаешь, что? Иди-ка ты... спать.

Глава 2

Отец

Из аэропорта Вячеслав Алексеевич сразу поехал на дачу. Поговорив по телефону с Серафимой Петровной, узнал – дочь там. Это улучшило его настроение и значительно упростило ситуацию. Во-первых, потому что он не любил бывать в своей городской квартире, а во-вторых, они с дочерью редко виделись, и у него постепенно выработался комплекс вины. Его не оставляло ощущение, что, забывшись в своей удобной новой жизни, он предавал ее так же, как это когда-то сделала мать.

Вячеслав Алексеевич и выглядел, и чувствовал себя сейчас далеко не лучшим образом. Бессонная ночь, проведенная в переездах с места на место, а потом утомительный перелет вряд ли могли украсить физиономию пятидесятилетнего мужчины. Мельком взглянув на спидометр, он притормозил, решив не искушать судьбу.

Несмотря на возраст и солидную внешность, в нем по-прежнему бурлила юношеская энергия. При высоком росте и крепком телосложении, Вячеслав Алексеевич был тем не менее подвижен и легок на подъем. Ему часто говорили, будто он напоминает военного в штатском, что было похоже на правду, с той лишь разницей, что Вячеслав Алексеевич умел

носить деловой костюм и выглядел в нем достаточно импозантно. Добавим к этому густые с проседью волосы, четкий профиль, проницательные глаза – облик мужчины, хорошо знающего, чего он хочет, но еще лучше, как добиться в своем деле успеха.

Вячеслав Алексеевич Дайнека был финансовым директором «Евросибирского холдинга». Его огромный кабинет находился на верхнем этаже нового высотного здания в Центральном округе столицы. Он не любил праздности и все или почти все свое время посвящал работе, и та вознаграждала его материальным благополучием.

Женщины любили его. Он хорошо знал об этом, но не позволял себе обманываться и принимать желаемое за действительное.

Исключением из правила стала Настя.

Вячеслав Алексеевич был потрясен, когда увидел ее впервые: сходство с его женой Людмилой было поразительным. Правда, скоро он понял, что это всего лишь «подделка». Тем не менее женская притягательность Насти приглушала нестерпимую боль от той, давней утраты.

По-кошачьи вкрадчивая, Настя подкупала хитрым выражением беспомощности на детском лице. Наблюдая за ее ужимками и беспробудной умственной ленью, Вячеслав Алексеевич снисходительно улыбался, скрывая боль и сожаление, как будто дело касалось близкого родственника, пораженного смертельной болезнью. Чувство ответственности

за нее, за ее судьбу не оставляло его, как и чувство вины – за то, что он пользуется ее молодостью, не имея на то бесспорного права.

– Кругом виноват, – признался себе Вячеслав Алексеевич и не без удовольствия вспомнил о соседке по самолету.

Затем вытащил из кармана визитку с номером ее телефона и, опустив стекло, хотел выбросить. Но передумал и снова положил в карман.

Дорога на дачу заняла полтора часа. Притормозив у дома, Вячеслав Алексеевич вышел из машины, распахнул ворота и загнал джип в гараж.

Ступая по дорожке, обсаженной невысокими деревцами, ощутил, как теплый ветерок всколыхнул листву. Несмотря на жару, здесь не было душно, и стояла такая тишина, словно в доме никого нет.

– Здравствуйте, Серафима Петровна, – сказал он, войдя внутрь и заглядывая на кухню. – А где девочки?

– Здравствуйте, – засуетилась та, отставляя в сторону кастрюлю с опарой. – Спят еще, завтракать не вставали... Чайку с дороги? Или, может, поесть чего?

– Чайку... – обронил Вячеслав Алексеевич и поднялся наверх.

Настя спала в своей комнате, и это было весьма кстати, потому что он смог принять душ и переодеться, не опасаясь ее разбудить. Облачившись в хлопчатобумажную футболку и легкие светло-серые брюки, Вячеслав Алексеевич вышел в

коридор. Мягко ступая, осторожно приблизился к комнате дочери и, приоткрыв дверь, заглянул.

Разметавшись во сне, Дайнека будто с кем-то сражалась: подушка свалилась на пол, одеяло сбилось. Вид у нее был взъерошенный, и сама она была похожа на отчаянную птичку-бунтаря. Ночник у кровати горел невидимым в солнечных лучах светом: дочь с детства боялась засыпать в темноте.

Вячеслав Алексеевич почувствовал прилив сладкой боли, щемящей отцовской нежности. Для него дочь по-прежнему оставалась маленькой девочкой. Он подошел и выключил светильник.

Дайнека открыла глаза, счастливо улыбнулась:

– Па-а-апа... приехал...

– Спускайся. Посидим, чаю попьем, поговорим...

Притворив дверь, Вячеслав Алексеевич направился в гостиную.

На круглом столе, покрытом клетчатой скатертью, стоял чайник и дымились на блюде свежеиспеченные оладьи.

Не прошло трех минут, как по ступенькам сбежала Дайнека. Поцеловала отца, уселась рядом, прижавшись к его плечу.

Но они ни о чем не успели поговорить. В комнату буквально ворвалась Настя, явно переигрывая в своем стремлении выказать радость по поводу возвращения Вячеслава Алексеевича.

– Милый мой! Наконец-то приехал!

Она кинулась к дивану и, усевшись по другую сторону, обхватила его руками. Дайнеке ничего не оставалось, как пересесть в кресло.

– Привет, – едва кивнула ей Настя.

Серафима Петровна появилась в дверях кухни, держа в руках поднос. Она пребывала в хорошем настроении и, когда все расселись, наливая чай, приветливо спросила:

– У нас вчера кто-то был? Я слышала голоса...

Дайнека кивнула.

– И кто же?

– Арнольд Шварценеггер...

– А кто это? – любознательно переспросила Серафима Петровна.

– Русский народный герой, – совершенно серьезно пояснила Дайнека.

Вячеслав Алексеевич вопросительно посмотрел на дочь, но та не ответила на его взгляд. Серафима Петровна рассмеялась, догадавшись, что над ней подшутили.

Настя потянулась за сахаром, но так резко подалась вперед, что опрокинула сахарницу.

– Какая же ты безрукая, доча, – огорчилась Серафима Петровна.

– Извини, мама, – пробормотала Настя. Лицо ее запылало, и она вдруг сделалась оживленной и приветливой. – У Стрекаловых в доме с утра музыка играла. Как будто праздник какой-то.

Вячеслав Алексеевич спокойно наблюдал за ней, пытаясь определить причину такого нездорового оживления. Настя же, распахнув глаза, делала вид, будто ничего не случилось.

Возникло всеобщее замешательство – каждый пытался понять, о чем думают другие. И только Серафима Петровна, сметая со скатерти рассыпанный сахар, кивнула:

– У этих Стрекаловых что ни день, то праздник, Раиса вчера опять пьяная в беседке сидела. Потом смотрю – у нас в палисаднике цветы вытоптаны. Точно она, больше никому. Пьянь несусветная... Благородную из себя корчит, а муж уголовник. Прямо на роже написано – не убьет, так зарежет.

– Это не рожа, это у него лицо такое... строгое, – слегка усмехнувшись, сказал Вячеслав Алексеевич. – Стрекалов – юрист, адвокат, специалист по уголовному праву.

– Я и говорю, что по уголовной части. Вчера огородик поливала, вижу – у нашего дома лестница к балкончику пристроена. Видать, залезть помыслили, да я спугнула... – Серафима Петровна заговорщицки понизила голос: – Когда обратно ее к сараю тасила, от страха чуть богу душу не отдала!

Не будь Вячеслав Алексеевич так занят своими мыслями, он бы заметил, что Настины глаза раскрылись еще шире.

– Да, да... разумеется... – проговорил он безо всякой связи с тем, что услышал.

Улучив момент, Настя подхватила его под руку и потащила наверх, в спальню.

Дайнека никогда бы не решилась рассказать отцу о ноч-

ном происшествии. Не хотела огорчать. К тому же была уверена, что он и сам обо всем догадывается, но прощает Насте ее выходки. Просидев до обеда в своей комнате, она, как могла, успокаивала свою совесть, зная, что ничего не в силах изменить. Спасительные слова «пусть будет, как будет» снова пошли в ход, но чувство вины не исчезало. Она никак не могла справиться с собой, сойти вниз и поговорить с отцом, а главное – посмотреть ему в глаза. Поэтому, услышав из гостиной капризный Настин голосок, с облегчением начала собирать вещи. Она хорошо изучила «мачеху» и знала, что та наверняка что-нибудь придумает и нанесет упреждающий удар.

– Славик, ну скажи, с какой стати-и-и-и... – Настя по-детски капризно растягивала слова.

Не желая принимать участие в ее играх, Дайнека схватила собранные в дорогу вещи и вышла из комнаты.

– Я уезжаю...

Она поцеловала отца и чмокнула губами воздух над Настиним ухом, давая понять, что той не стоит беспокоиться.

– Нам так тебя будет не хвата-а-а-ать, – пропела Настя-Здрастя и улыбнулась.

– А мне-то ка-а-ак, – передразнила ее Дайнека.

Никто не совершенен. Возможно, у Насти-Здрасти есть скрытые достоинства, о которых она, Дайнека, не догадывается. Ведь за что-то отец ее любит.

И не нужно думать, что по пути домой мысли у Дайнеки

были невеселые. Отец вполне счастлив, и у нее, любимой отцовской дочки, все будет хорошо.

По крайней мере, она очень на это надеялась.

Глава 3

Роковое предчувствие

Переступив порог квартиры, Дайнека швырнула сумку в угол прихожей и направилась в комнату. Непреодолимое чувство тревоги преследовало ее. Она подошла к телефону и набрала номер.

– Слушаю, – прозвучал в трубке женский голос.

– Здравствуйте, Аэлита Витальевна. Я бы хотела поговорить с Ниной.

– Здравствуй, Людочка. А ты разве не знаешь, что Нина вернулась в свою квартиру? Неужели к тебе не забежала? Поверить не могу...

– Наверняка забежала, но я на даче была. Давно она переехала?

– Позавчера... повздорила с Семен Семенычем... – Аэлита Витальевна заговорила низким голосом: – Людочка, она говорила ужасные вещи, сказала, что не вернется, обвинила меня во всех смертных грехах. – Женщина расплакалась.

Дайнека молчала. Она знала, что Нина не ладила с отчимом, но ее мать старательно укрепляла «семью», которой никогда и не существовало. Всю свою жизнь Нина прожила у бабушки, в соседней квартире, на одной лестничной площадке с Дайнекой. Когда старушка умерла, Аэлита Вита-

льевна перевезла дочь к себе. И, как показала жизнь, ничем хорошим это не кончилось.

– Людочка, – жалобно всхлипывала Аэлита Витальевна, – поговори с ней, ты же ее подруга, Нина тебя послушает...

– И что же мне ей сказать?

– Что я ее мать и желаю только добра, что она слишком молода...

– Аэлита Витальевна, – мягко возразила Дайнека, – Нине уже двадцать четыре.

– Для меня она всегда будет ребенком... – Неожиданно голос женщины изменился, и она вскрикнула: – Сема, положи трубку! Опять подслушиваешь? Да что же это такое!

Прозвучали гудки отбоя, и Дайнека тоже положила трубку. Однако тут же перезвонила:

– Простите, Аэлита Витальевна, забыла у вас спросить...

– О чем, Людочка?

– У Нины есть красное платье?

– Красное? – переспросила Аэлита Витальевна.

– Пожалуйста, вспомните, для меня это очень важно.

– Я не знаю, может, и есть... С ней ничего не случилось?

– Нет-нет, не волнуйтесь, ничего не случилось! Я сама у нее спрошу.

Повесив трубку, Дайнека осталась недовольна собой: не следовало ее тревожить.

Она набрала другой номер. В соседней квартире никого не было. Сообразив, что Нина еще на работе, Дайнека сбегала

в прихожую за сумкой и, достав записную книжку, нашла ее рабочий телефон.

– А-а-а-ало-о-о... – Женский голос ответил с типичным московским вывертом.

– Здравствуйте. Могу я услышать Карташову Нину Анатольевну?

– Она полгода у нас не работает.

– Простите...

«Интересно, – подумала Дайнека, – почему все женщины Москвы по телефону говорят одинаковыми голосами, с одной и той же интонацией?»

Несмотря на десять лет, прожитых в Москве, она категорически не чувствовала себя москвичкой. То есть по статусу – конечно, но по состоянию души – нет. Дайнека с остервенением отскребала от себя слова-липучки и московский распевный, акающий говор.

Жаркий августовский день сменился не менее душным вечером. Дайнека остановилась у окна и бесцельно обвела взглядом двор, затем фасад дома напротив. Двор был безлюден. Сквозь тюль окна во втором этаже было видно, как в комнату вошла уже знакомая женщина в розовом и приблизилась к плечистому здоровяку, сидящему за компьютером. Тот не сразу заметил ее, а когда понял, что она стоит за его спиной, в бешенстве смахнул со стола бумаги и вскочил на ноги.

Белые листы закружили по комнате, падая каждый сам по

себе ломаными, фантастическими траекториями. Метнувшись, женщина начала хватать листы в воздухе, потом опустилась на колени и стала подбирать их с ковра. Мужчина что-то крикнул. Не поднимаясь с колен, женщина сжалась, словно в ожидании удара, потом встала и покорно ушла.

– Свинья, – сказала Дайнека, глядя на мужчину. Отвернувшись от окна и опять повторила: – Свинья...

Потом легла на диван. Чувство отрешенности овладело сознанием, и она с удовольствием погрузилась в полное забвение...

Женщина возникла в дверном проеме неожиданно, как будто материализовалась из воздуха. На ней было облегающее красное платье. Каштановые волосы, убранные в замысловатый пучок, гладко зачесаны у висков. Лица ее было не разглядеть.

Что-то все время ускользало от взгляда, и Дайнека никак не могла определить, что именно. Пыталась и не могла.

Позади женщины появился мужской силуэт.

– Дыня, – тихо сказала незнакомка, – мне страшно...

Силуэт за ее спиной растаял в вечернем свете.

Дайнека перевернулась на другой бок и неожиданно скатилась на пол. Сама не заметила, как уснула, уткнувшись носом в складчатую подушку дивана.

И тут раздался дверной звонок.

Потом залился снова, еще настойчивей, дольше. Дайнека рванулась в прихожую и распахнула дверь, даже не заглянув в глазок. При виде Нины застыла.

Та удивленно смотрела на подругу, пытаясь угадать причину ее потрясения. Наконец спросила:

– Тебе не нравится мое платье?

Она угадала, что именно занимало Дайнекины мысли. На Нине было красное облегающее платье. Каштановые волосы, зачесанные назад, свивались в замысловатый пучок на ее затылке. Она выглядела старше своего возраста и была похожа на женщину из другой жизни.

Несколько секунд Дайнека не могла выдавить из себя ни звука. Затем отступила в сторону, пропуская подругу в дом. Прошла в гостиную, уселась на диван и подняла глаза. Нина остановилась в центре комнаты.

– Гуляем!

Широким жестом она вынула из-за спины руку, в которой держала бутылку красного вина. Еще один взмах – и на стол упала коробка конфет. Доставая из серванта синие с позолотой фужеры, сказала:

– Смотри-ка, только два и осталось. Господи, сколько же мы их перебили!

Увидев сияющее лицо подруги, Дайнека прогнала тревожные мысли прочь.

Нина была высокой стройной девушкой. Каштановые волосы подчеркивали нежный цвет лица и бездонную синеву

глаз. На мужчин ее роковая красота действовала сокрушительно. А на женщин... У большинства из них резко портилось настроение.

– Что-то случилось?

– Нет. – Дайнека встряхнула головой.

– Мне показалось, ты как-то странно на меня смотрела.

Спустив ноги на пол, Дайнека протянула руку к коробке. Взяла конфету и надкусила ее скорее для того, чтобы чем-то себя занять.

– За что гуляем?

– А разве нужен повод? – Нина улыбнулась. – Лето, солнце. Я – в этой комнате, рядом с тобой. Видишь, сколько у нас причин?

Она откупорила бутылку и налила в фужеры вина.

– Где ты была эти два дня?

– На даче.

– Как там Настена?

– Как корова на лугу. Пасется.

– Понятно. Ты уже успокоилась на ее счет.

– Давным-давно, – усмехнулась Дайнека. – Просто мы с тобой долго не виделись. В последний раз – полгода назад, после смерти Эльзы Тимофеевны. Потом ты уехала к матери.

– Недолго я продержалась. Поначалу было ничего, но вскоре стало невыносимо. Только бы попозже вернуться с работы и побыстрее заснуть. Понимаю, мать хочет, как лучше. Семья и все такое... Но какая он мне семья, Дыня? Папа

Сема, он и есть папа Сема... Буду жить в своей квартире. В конце концов, я совершеннолетняя, если не сказать больше.

– Перестарок, – поддакнула Дайнека.

– Умеешь ты меня поддержать, – улыбнулась Нина и протянула Дайнеке мобильник: – Дай-ка ты мне номер твоего телефончика, сохраню его в памяти под нежным именем Дыня.

– Аппаратик-то новенький... Откуда такие деньги? Он ведь не меньше тридцати тысяч стоит.

– Догадайся.

– Подарок?

Нина кивнула.

– Леха? – спросила Дайнека.

– Я тебя умоляю...

– Расстались?

Нина снова кивнула.

– Наконец-то... – Дайнека покрутила в руках телефон: – Я такой в рекламе сегодня видела.

– А у меня уже свой есть. Иди сюда, мой сладенький...

Нина протянула руки. Склоняясь над столом, она случайно задела бутылку и от неожиданности выронила аппарат.

Потом они наблюдали за тем, как падает телефон, как криво катится по столу бутылка, как, пульсируя, выплескивается на пол вино, образуя кровавую лужу. Фужеры падали медленно, и было ясно – они обречены. Все случилось за считанные секунды, но казалось, зрелище длилось и длилось...

Очнувшись первой, Дайнека одной рукой схватила бутылку, из которой все еще вытекало вино, а другой подняла телефон. По его наружной панели пролегла извилистая трещинка, напоминающая латинскую букву «V».

Нина сидела на корточках, и вид у нее был такой, будто она вот-вот зарыдает во весь голос. Глядя на синие осколки, Нина пробормотала:

– Последние были... Видно, не пить нам с тобой больше, Дыня...

Выражение обреченности на лице подруги вернуло Дайнеку в состояние тревоги, но она не была готова к разговору на неприятную тему.

– Брось, всего-то фужеры, – сказала Дайнека и сама поверила в это.

Нина будто очнулась.

– Надеюсь, – сказала она и села в кресло. – Не буду пока рассказывать, не хочу сглазить, но скоро, очень скоро у меня все переменится. Ты даже не представляешь, насколько. Только не обижайся, но сейчас правда ничего не могу сказать. Есть одна проблемка. Но как только все образуется, обещаю, ты узнаешь первой. Кстати, я завела собаку. Привязалась дворняга у метро, я ее покормила, а уходить она отказалась. Вот и живет теперь у меня Тишотка.

– Кто? – переспросила Дайнека.

– Тишоткой ее назвала. Смешная очень.

– Хорошо, решай свои проблемки, стратег. Нужно достать

другие фужеры...

Она пошла к серванту. По пути кинула на стол сигареты.

– Кури...

– Я больше не ку-рю-ю-ю, – пропела Нина.

Дайнека остановилась и спиной почувствовала: за этим что-то последует.

– У меня будет ребенок.

– Как ты могла забеременеть?

– Как все.

Дайнека повернулась и посмотрела в глаза подруге:

– От всех тебя отличает одно печальное обстоятельство – ты не умеешь выбирать мужчин, – раздельно, почти по слогам, проговорила она.

Нина неловко поднялась с кресла.

– Господи, Дыня, уже восемь! Я побежала, прости. Заскочу позже, после двенадцати. О'кей?

Последние слова она выкрикивала уже из коридора.

– О'кей.

Дайнека закрыла дверь и побрела в ванную за тряпкой.

Пока вытирала пол, ощущение беспокойства усилилось.

– Тишотка, – тихо прошептала Дайнека. И повторила: – Тишоточка...

Выбросила осколки в мусорную корзину и вернулась в комнату. Раздраженная, хлопнулась на диван, стараясь не думать о том, что, ощущая себя маленькой старушонкой, на самом деле она изнывала без приключений, без опасных глу-

постей, без романтики. Она изнывала без любви.

– Если сегодня вечером останусь дома – задницей вращу в этот диван.

Выбора не было. Дайнека пошла рисовать глаза – ее ожидал вечерний город.

Москва замерла в ожидании сча-а-а-стья-я-я!

Глава 4

Крик

– Де-вуш-ка, – по слогам произнес мужчина за ее спиной. – Де-вуш-ка.

Дайнека быстрым шагом пересекала двор, направляясь к стоянке, где была припаркована машина. Ходить пешком на большие расстояния было выше ее сил, она была развращена удобством личного транспорта. Между прочим, в свои двадцать два имела четыре года водительской практики, и очень этим гордилась.

– Де-вуш-ка. – Негромкий голос раздался совсем рядом, нависающая арка придавала ему особенную интимность.

– Заело? – Дайнека развернулась на каблуках, намереваясь ответить поехидней.

Едва не задев мужчину, она сначала растерялась, а потом неожиданно радостно выкрикнула ему в лицо:

– Свинья!

И расплылась в глупой улыбке.

Ситуация складывалась хуже некуда. Чтобы так мастерски ее спровоцировать, Дайнеке не понадобились месяцы тренировок. Она достигла этого одним только простодушием и непосредственностью, граничащей с идиотизмом.

Со стороны можно было подумать, что встретились двое

добрых друзей. Одутловатое лицо мужчины обвисло. Не веря своим ушам, он судорожно пробормотал:

– Не понял...

– Свинья, – механически повторила Дайнека и удивилась, что все это происходит на самом деле.

Она и сама не знала, почему произнесла грубое слово, да еще дважды. Может быть, оттого, что перед ней стоял тот самый здоровяк, из окна напротив. Единственное слово, с которым ассоциировался его образ, было как раз то, которое прозвучало. Два раза.

Дайнека смотрела ему в глаза и невинно улыбалась, не зная, что делать дальше. Свинья отступил и сплюнул. Минуту он раздумывал и, видимо, не найдя что ответить, сплюнул еще раз. Затем помотал головой и матерно выругался.

– Я же говорила – свинья, – успокоила себя Дайнека и зашагала дальше.

На свете оставалось мало людей, способных ее удивить.

Машина завелась с полоборота, и Дайнека энергично тронулась с места. Она хорошо чувствовала автомобиль и ездить любила.

До восемнадцати лет отец не разрешал ей садиться за руль, но, едва отметив день рождения, она быстро научилась вождению и теперь лихо выруливала в безнадежных московских пробках.

Сначала отец купил ей старенький «жигуленок», который спустя год угнали. Следующая машина оказалась долгожи-

тельницей и уже три года служила хозяйке верой и правдой.

На приличной скорости Дайнека пересекла все Тверские-Ямские и через три поворота выехала на широкий проспект. Это были самые лучшие минуты ее жизни – за рулем жизнь чувствовалась острее.

Вечерняя заря угасала в огнях рекламы. Из окна автомобиля Москва казалась маленькой и родной, Дайнека чувствовала, что этот город – то самое место на земле, где ей хочется жить. Но так же хорошо она знала, как легко этот город меняет правила.

Блеск и волнующий шум вечернего мегаполиса нарастали, Дайнека плыла в потоке машин, наслаждаясь своей причастностью к этому вечному движению. Вдруг, пренебрегая всеми правилами, ее нагло обогнал и подрезал черный «Сааб» и помчался к следующему светофору.

– Там и встретимся, – пообещала Дайнека.

Ей хотелось посмотреть на лихача. Наверняка за рулем сидит лощеный мажор, решивший прокатиться на папиной тачке. Дайнека подъехала ближе, заранее предвкушая, какой презрительный взгляд отвесит нахальному недоумку. С высоты своего возраста и водительского стажа она могла себе это позволить.

Вытянув шею, девушка подалась вперед и увидела на месте водителя... старушку лет семидесяти с седыми волосами, зачесанными назад и собранными в скудный пучок. Видимо, пенсионерка была невысокого роста, потому что едва

возвышалась над рулем. Бабушка покосилась на Дайнеку и беззвучно зашевелила губами, явно не сказав ничего лестного. С высоты своего возраста и водительского стажа она могла себе это позволить.

Дайнека вспомнила сегодняшний разговор с подругой и свою фразу, после которой Нина ушла. На самом деле никакого особенного опыта, позволяющего рассуждать на эту тему, у нее не было. Если не считать две-три интрижки, которые так ничем и не закончились, кроме постели.

Одним словом, Дайнека была теоретиком взаимоотношений полов. Нина же обладала удивительной способностью притягивать к себе людей неадекватных, склонных к богемным крайностям или негодяев. И каждого она пыталась понять.

Конечно, Дайнека не должна была так говорить. Тем более не имела права быть ей судьей. Да и кто может с первого взгляда разгадать истинную сущность человека? Никто.

А правды о себе никто никогда не скажет.

Хотя, если подумать...

Дайнека вдруг вспомнила заплывшую рожу мужчины, сегодняшнего знакомого. И «нарисовала» себе картинку. Он по-гусарски щелкнул каблуками и представился:

– Свинья, мерзкое и похотливое животное.

Затем кивнул головой и отошел в сторону. Но слова прозвучали так, как если бы он сказал:

– Бонд. Джеймс Бонд.

Это страшно развеселило Дайнеку, и она представила себе Фредди Крюгера, который заговорил застенчиво, тихо и начистоту:

– Очень приятно познакомиться: маньяк, серийный убийца. Вчера убил троих. Сегодня по плану – двое. Вот, знаете, хожу, присматриваюсь.

Дайнека веселилась вовсю. Следующим, кого она представила, был забулдыга из соседнего подъезда.

– А чем вы занимаетесь, сэр?

– Я – пьяница, – просто ответил тот и виновато вздохнул. Было видно, что он говорит чистую правду.

Дайнека уже подъезжала к своему дому, когда, притормозив на светофоре, увидела стоящий справа «Мерседес». Женский голос негодовал:

– Да кто будет трахаться с тобой? У тебя же ни черта не работает! – Девушка выкрикнула эти слова в открытую дверь автомобиля и в сердцах захлопнула ее.

Светофор показывал желтый свет, но тот, у кого ничего не работало, предпочел ударить по газам и скрыться за поворотом.

Дайнека улыбнулась и сочувствующе посмотрела вслед «Мерседесу». А потом вынула из сумки зазвонивший телефон:

– Слушаю.

– Людочка, извини ради бога, звоню, чтобы спросить: Нина не забегала? Что-то у меня на сердце беспокойно.

– Не волнуйтесь, Аэлита Витальевна, забегала. У нее все хорошо.

– До свидания, Людочка.

Аэлита Витальевна положила трубку, вздохнула и остановилась у окна.

Вопреки ожиданиям, разговор с подругой дочери не успокоил ее. Наоборот, появилась полная уверенность в том, что сегодня именно тот день, когда все, решительно все шиворот-навыворот. И тем обиднее это было, чем яснее осознавалась собственная непричастность к подобному безобразию.

Не слишком ли часто стали выпадать подобные дни на долю бедной Аэлиты Витальевны? Об этом и еще многом другом думала женщина, стоя у темного окна, опершись локтями о подоконник.

Заслышав звук подъезжающей машины, она вставала на цыпочки и заглядывала в глубину двора, высматривая белую «Волгу» Семен Семеныча. Семейные проблемы, которые всегда существовали, но долгое время оставались в состоянии покоя, прорвались и зафонтировали. Не прошло и двух дней после ухода из дома Нины, как неожиданно задурил Семен Семеныч. Нельзя сказать, что ничего такого он себе не позволял раньше, но отчего-то именно сейчас Аэлите Витальевне стало особенно горько.

Много лет назад, познакомившись с ним, она вполне отдавала себе отчет в том, что, будучи старше на пятнадцать

лет, не может в полной мере рассчитывать на его взаимность. И все же после нескольких встреч поверила, что невозможное возможно.

Нине тогда пошел седьмой год, и минуло шесть месяцев с той поры, как Аэлита Витальевна схоронила первого мужа. Но она не привыкла быть одна, и очень скоро Семен Семеныч с вещами перебрался в ее дом, а Нина временно переехала к бабушке.

Соседи и знакомые посудачили – да и дело с концом. Аэлита Витальевна была счастлива, а любит ли ее Семен Семеныч или нет, для нее особого значения не имело. Как и то, собирается ли он на ней жениться.

Со стороны разница в их возрасте не была уж очень заметна. Аэлита Витальевна выглядела моложе своих лет, а Семен Семеныч – старше.

В момент их знакомства Аэлита Витальевна еще цвела, ее крупная фигура была округлой и подтянутой, как у молодой дородной женщины. Здоровый цвет лица и пышные каштановые волосы усиливали это впечатление молодости. Привычка следить за своей внешностью, красиво укладывать прическу и ярко красить губы делала ее неуязвимой в любое время суток.

Некогда моложавая, она с завидным опозданием перешла в категорию молодящихся. Однако и увядающая красота привлекала к ней внимание мужчин. Свою неизменно яркую губную помаду Аэлита Витальевна наносила на губы с

той же обязательностью, с какой пожилые люди надевают по утрам съемные зубные протезы.

Семен Семеныч, напротив, смолоду не казался полным жизненных сил. Он производил впечатление человека, который из непродолжительного детства шагнул в пору зрелости, минуя юность. Долговязая, расслабленная фигура, чиновничья сутулость, редкие волосы и вкрадчивый говор никак не обнаруживали его возраста и при знакомстве вводили в заблуждение. Истинный возраст этого человека могли определить лишь две категории граждан: ясновидящие и работники правоохранительных органов. Чем он пленил одинокую женщину, было известно только ей одной. И этот секрет, по видимому, до сих пор не утратил своей силы.

Аэлита Витальевна подошла к дивану и, усевшись поближе к торшеру, взяла в руки вышивку. Ведущий одиннадцатичасовых новостей быстро проговаривал свой текст, чтобы через минуту рассказать самую важную новость:

– Чемпион мира в гонках «Формулы-один» Михаэль Шумахер на время сменил свой автомобиль на луноход. Что заставило его это сделать?.. Такой вопрос задавали себе тысячи болельщиков, которые сопровождали его по улицам...

Пальцы не слушались, розовая нитка не хотела укладываться в крестик на лице пастушка, который красовался посреди уже вышитого луга. Раздражаясь все больше, Аэлита Витальевна отбросила вышивку. Она поднялась с дивана и снова пошла к окну. Встала на цыпочки, выглянула во двор.

Машины Семен Семеныча все еще не было.

– Шумахер хренов... Вернешься, уж я тебя... и твой луноход... – Аэлита Витальевна всхлипнула и разрыдалась.

Утирая слезы, она уже составляла в уме небольшую, но убедительную проповедь относительно мерзавцев, которые изменяют своим женам, как вдруг зазвонил телефон. Звонок прозвучал неожиданно и поэтому страшно.

– Алло! Сема, ты?

– Это я, мама...

Что-то в голосе дочери заставило Аэлиту Витальевну вздрогнуть.

– Нина, доченька, что случилось?

– Я сейчас приеду к тебе, мама...

– Что случилось, я тебя спрашиваю?! – Аэлита Витальевна кричала в телефонную трубку и уже понимала: происходит что-то ужасное.

В ответ на другом конце провода страшно кричала Нина.

Глава 5

Сны начинают сбываться

– Гони! Быстро! – скомандовал ей прямо в ухо незнакомый голос.

Рядом с Дайнекой сидел парень и, не вынимая правой руки из кармана, жестко смотрел в глаза.

Она с силой вдавила педаль. Машина рванулась вперед. В зеркале заднего вида виднелся светофор, который все еще мигал желтым глазом. Не зная, куда ехать, она боялась спросить незваного пассажира. Тот же сидел молча.

Дайнека лихорадочно перебирала в уме все возможные варианты спасения, а заодно пыталась сообразить, откуда он взялся. Хотя что тут соображать? Пока она пялилась на «Мерседес» застенчивого импотента, а потом разговаривала по телефону, парень и заскочил в машину.

Она вовремя вспомнила, что специалисты по заложникам рекомендуют завязывать с похитителями доверительные отношения. Говорят, это помогает обозначить себя как личность, а не как объект для насилия. «Спокойно», – сказала сама себе и, собравшись с духом, спросила:

– Как тебя зовут?

– Джамиль, – ответил парень, не глядя на нее.

«Мама дорогая! Вот я попала!» – запаниковала она, но

вслух сказала:

– А я – Дайнека.

Стараясь незаметно рассмотреть пассажира, она все же встретила с ним взглядом. Сразу же запомнились не сами серо-голубые глаза, а взгляд: сначала острый, как укол, а потом мгновенно отстраняющийся и безвозвратно уходящий в себя.

Парень стащил с головы бейсболку, и Дайнека увидела светлые волосы. «Джамиль? Что-то не похоже, – мелькнула у нее мысль. – Но уже обнадеживает».

Они проезжали мимо узорчатых ворот Ботанического сада, когда он сказал ей:

– Не бойся, я сейчас выйду.

Почувствовав, как отступает страх, Дайнека почти непридуманно спросила:

– От кого бежал?

– Расскажу в другой раз.

На душе у нее окончательно полегчало. Было видно, злобный пассажир не замышляет. Скорее, очень устал. Какое-то время они оба молчали.

– Где остановить? – наконец не выдержала Дайнека.

– Все равно, – ответил парень не слишком любезно. – Да вот хоть здесь...

Он вышел. На сиденье осталась лежать тысячная бумажка. Дайнека улыбнулась, затем подняла глаза, пытаясь определить, куда их занесло. Настроение мгновенно испортилось:

совсем рядом чернели ворота Владыкинского кладбища.

Машина, казалось, сама тронулась с места и закружила по улочкам в поисках нужного направления. Неожиданно впереди обозначилась фигура ее недавнего пассажира. Парень брел по улице, словно не зная, куда податься. Дайнека притормозила:

– Садись, довезу до дому.

– Не надо, я сам.

– Садись, за все «уплочено», – пошутила она.

Джамиль открыл дверцу и сел на прежнее место. Девушка уже сориентировалась и направилась в сторону Останкинского центра.

– Ну, говори, куда ехать.

– Не знаю.

Дайнека остановилась, прижалась лбом к рулю.

«Господи, ну за что мне все это...»

Потом она выпрямилась – и огни ночного города весело побежали навстречу автомобилю. Полагаясь на естественный ход событий, Дайнека больше не гадала, чем закончится ночное приключение. Вернее, не боялась его продолжения.

Она напомнила о незаконченном разговоре:

– От кого ты убегал?

– Так... Ничего особенного, – ответил Джамиль.

– Тогда почему бежал?

– Пожить еще захотелось.

– А-а-а... Слушай, откуда такое имя? Вроде ты русский.

– Родился в Алма-Ате, у родителей было полно друзей казахов. Вот папа с мамой и сообразили... – Помолчав немного, он добавил: – Это уже потом все стали врагами.

– И давно ты в Москве?

– Недавно.

– Так и жил в Алма-Ате? – спросила Дайнека.

– Нет. Оттуда мы уехали сразу, когда все началось. – Джамиль отвечал нехотя.

– Что началось?

– Ну, знаешь, когда идешь по улице, а в спину тебе могут камень бросить. Или морду набить ни за что. Или приходишь на тренировку, а для тебя места в зале не находится.

– Ты спортом занимался?

– Было дело.

– А теперь?

– А теперь нет.

– Не получилось?

Джамиль развернулся к ней всем телом, как будто что-то его сильно задело:

– «Не получилось» – это не про меня. Я чемпионом Европы был. – И, помолчав, добавил: – Чего-то добиться в спорте – это в обмен на жизнь, как сделка с дьяволом. Только все равно он тебя обманет...

Дайнека поежилась – уж очень мрачно прозвучали его слова. За разговором она не заметила, как снова подкатила к своему дому. Остановилась в арке, едва не ткнула бампером

мужчину, вывернувшего из-за угла.

– Пошли ко мне, что ли, – вдруг предложила она в надежде, что парень откажется.

– Пошли. Но я хочу, чтобы ты знала: я никогда не плачу... за это. – Джамиль прямо посмотрел ей в глаза.

– Да пошел ты!

– Ладно, не парься. Я ж не знал. Меня не каждый день просто так в гости зовут.

Поставив машину на сигнализацию, она пошла к подъезду. Джамиль направился следом. У забора мелькнула тень. Дайнека напряглась, однако, разглядев маленькую собачку, зачем-то подняла голову – у Нины светились все окна.

Открывая свою дверь, она подумала, что скоро придет Нина, и хорошо бы к тому времени распрощаться с неожиданным гостем. Недоброе предчувствие заставило ее развернуться и шагнуть к соседней двери, оказавшейся почему-то приоткрытой.

Сквозь зияющую щель на лестничную площадку выплескивался яркий свет из прихожей. Дайнека распахнула створку и увидела лежащую у порога Нину. Вокруг нее растекалась красная лужа, похожая на вино...

– Эй, ты как? Давай, вставай! – Голос Джамиля доносился издалека.

Дайнека открыла глаза, осознавая, что ничего не отменяется – Нина мертва.

– Не пугай меня. Ну и что мне тут делать с вами, с двумя? – Джамиль поднял Дайнеку и прислонил к стене. – Стоишь?

– Стою.

Он наклонился к Нине, приложил пальцы к ее шее и замер.

– Вызывай полицию, а мне здесь оставаться нельзя.

В следующую минуту она услышала его удаляющиеся шаги, а в приоткрытую входную дверь просунулась настороженная собачья морда.

– Тишотка... – прошептала Дайнека. – Тишоточка-а-а...

Она заплакала навзрыд. В эту минуту собака показалась ей единственным существом, способным оказать хоть какую-нибудь поддержку.

Дворняжка нерешительно вошла в прихожую. Медленно переставляя худые лапы, подошла к Дайнеке и ткнулась холодным носом в ее ногу. Потом подняла голову и, глядя в глаза, дружелюбно замотала хвостом.

Нина лежала у самого входа. Одна рука, сжимая мобильник, была вытянута вперед, а другая неестественно вывернута. Открытые глаза, казалось, грустно смотрели на собаку.

Дайнека не могла преодолеть себя и подойти ближе. Она видела все как будто со стороны: лежащую у двери мертвую Нину, ее собаку и себя, онемевшую от ужаса. Было невыносимо бездействовать, но сил сдвинуться с места не находилось.

Когда оцепенение наконец прошло, Дайнека, готовая броситься вон из квартиры, безотчетно направилась сначала в гостиную, потом, не останавливаясь, в смежную с ней спальню. Интуиция явно подсказывала ей эти действия. Тишотка потрусил за ней.

Дайнека села на кровать и осмотрелась. Увидев включенный компьютер, сама не понимая зачем, подошла и пошевелила мышку. Темный экран немедленно ожил. Электронный почтовый ящик был открыт. Она щелкнула по надписи «Входящие» и внимательно просмотрела имена респондентов. Среди последних особенно часто повторялось имя Virgilius. Верхнее сообщение, датированное сегодняшним числом, было прочитано. Дайнека уже собиралась открыть его, как вдруг Тишотка сорвалась с места и с воем выскочила из комнаты, увлекая ее за собой.

В прихожей собаку словно отбросило в сторону, она испуганно поджала хвост и юркнула в приоткрытую дверь.

Поначалу рванувшись за собакой, Дайнека замерла, не осмеливаясь переступить порог гостиной. Ей неожиданно пришло в голову, что здесь, совсем рядом, за стеной, затаился человек, убивший Нину. Теперь он ждет ее...

Каждой клеточкой своего дрожащего от испуга тела девушка ощутила его близость и неожиданно поймала себя на мысли: все, что сейчас происходит, уже было.

Было? Но когда?

«Во сне», – пришел четкий ответ.

Это открытие потрясло ее, и она уже знала, что будет дальше, но не была уверена, хватит ли у нее мужества пережить весь тот ужас еще раз.

Дайнека понимала, что сама загнала себя в западню. Бежать отсюда было некуда. Единственный путь к спасению – приоткрытая входная дверь, манившая ее, как та призрачная прогалина из страшного сна. Тогда ей так и не удалось до нее добежать.

При виде мертвой подруги Дайнека судорожно всхлинула:

– Вот оно...

И обреченно шагнула вперед.

Уставившись на дверь, Дайнека стремилась к этой желанной цели, но тело не повиновалось ей. Хотелось бежать, да сил хватило только на то, чтобы оторвать от пола отяжелевшую ногу и сделать замедленный шаг. Исчезли краски, все вокруг показалось смазанной картинкой на черно-белом экране телевизора. Холод прошелся по пальцам рук и онемевшему лицу.

Теперь наяву повторялся ее ночной кошмар. Задержавшись на этой мысли, она вспомнила страшного человека и его проникающий в душу взгляд. Решив, что лучше умереть, чем увидеть его еще раз, Дайнека из последних сил рванулась вперед, с трудом преодолевая собственную немощь.

«Как муха на липучке...» – сострило ее второе «я». Первое было поглощено борьбой за выживание.

Опасаясь повернуть голову или хотя бы скосить глаза, она все же боковым зрением увидела в зеркале силуэт мужчины. Тот стоял в тени коридора, ведущего в кухню. Едва Дайнека заметила его, силуэт, как призрак, растаял в темноте. Мысль, что и это она однажды видела, снова пронзила ее сознание.

Она не помнила, как оказалась у себя дома. Спаслась ли она? Ведь убийца видел ее, и то, что он дал ей уйти сегодня, могло означать лишь отсрочку расправы. Несколько секунд Дайнека переводила дыхание. Потом бросилась к телефону — вызывать полицию.

Очень скоро в дверь позвонили. Полицейский пригласил ее пройти в соседнюю квартиру, и Дайнека удивилась тому, что наряд приехал так скоро. Позднее этому нашлось страшное объяснение.

Женщина-следователь по фамилии Песковец, прибывшая в составе оперативно-следственной группы, с привычной неторопливостью записывала ее показания. Вокруг ходили занятые делом люди, раздавались телефонные звонки, переставлялись стулья. Происходило все то, что Дайнека много раз видела в кино.

Была поздняя ночь. Она чувствовала себя совершенно разбитой.

Стол, за которым составлялся протокол, стоял у самого окна. Дайнека изредка останавливала взгляд на стене дома напротив. В знакомом окне, несмотря на темноту, угадывался чей-то силуэт. Похоже, человек давно наблюдал за страш-

ной круговертью в квартире Нины.

– Когда вы обнаружили тело? – Женщина задавала вопросы, не отрывая глаз от листка.

– Сегодня...

– Я спрашиваю о времени, – с раздражением поясниласледователь.

– Простите. Около одиннадцати.

– Точнее не припомните?

– Ну, может быть, минут двадцать двенадцатого.

– С вами еще кто-нибудь был?

Дайнека на секунду замешкалась, представляя, как рассказывает следователю: «Да, со мной был неизвестный мужчина... Я подцепила его на улице и привезла к себе домой... Нет, фамилию узнать не успела и не знаю, где он живет...»

– Нет. Я была одна.

Из прихожей раздался голос Аэлиты Витальевны:

– Я знала, что все так и закончится! – Рыдания заглушали ее слова.

Дайнека слышала обрывки разговоров:

– Мать разговаривала с потерпевшей по телефону перед самым убийством, в момент, когда все случилось... Она и вызвала полицию...

– Удар по голове тупым тяжелым предметом...

Забывшись, Дайнека не сразу сообразила, что следователь обращается к ней. Она перевела взгляд на худую белесую особу, сидевшую за столом.

– Чего? – Ее голос прозвучал непривычно грубо и неинтеллигентно.

– Распишитесь, говорю, пожалуйста. Вот здесь. И здесь. Вам придется к нам подойти.

– Да, да... – пробормотала Дайнека.

Аэлита Витальевна сидела на кухне одна. Она плакала, горестно раскачиваясь из стороны в сторону. Увидав Дайнеку, протянула руки и, когда та подошла, прижалась к ней, оставаясь сидеть на стуле. Девушка обнимала ее за плечи, ощущая, как вздрагивает под руками полное тело.

– Людочка, ты видела? Ты видела ее?

Дайнека прислушивалась к себе, страшась переступить ту грань, за которой начинается фальшивое участие в чужом горе. Но скоро забыла про опасения, потому что горе было не чужое, а ее собственное...

На лестнице сидел папа Сема, сутулый и лысоватый. Скучая, он разгадывал кроссворд. Дайнека подошла к нему:

– Послушай меня! – Дайнека впервые назвала отчима Нины на «ты». – Иди к жене и позаботься о ней. Хотя бы сделай вид, что сочувствуешь.

Она едва не вlepила ему пощечину. Почувствовав это, Семен Семеныч отшатнулся.

Дома Дайнека сначала бесцельно слонялась по комнатам, подолгу стояла у раскрытого окна. Потом подошла к портрету Нины, висевшему на стене в гостиной, и застыла, вглядываясь в ее лицо.

Рисунок будто угасал вместе с жизнью Нины. «Наверное, именно так экстрасенсы определяют по фотографии, жив человек или нет... — Эта мысль неожиданно пришла ей в голову. — А ведь и в самом деле, зеркало души пустеет...»

Дайнека ощутила, как тяжесть на сердце становится невыносимой. До этого момента боль утраты не затрагивала совести и вдруг вонзилась именно в нее. *Это комплекс вины* — неожиданно осенило ее. Возникшая догадка означала, что трагедию можно было предотвратить. Но как?

— Абсурд! Я не могла остановить время.

Однако воспоминание о вещих снах усилило ощущение вины. Она получила Предупреждение и должна была выполнить свою миссию. Но не выполнила.

Отныне жизнь разделилась на две части: одна — до смерти Нины, другая — после. Была, правда, еще одна жизнь: когда мама была рядом...

Дайнека подошла к телефону и набрала номер. Голос отца был заспанным и растерянным:

— Людмила, что-нибудь случилось?

— Спи, папа. Извини, что разбудила. Я позвоню тебе завтра.

Не в силах заснуть, она пошла на кухню. Увидев вчерашнюю бутылку вина, заплакала. Достала начатую бутылку водки, налила в кружку и выпила.

А потом, лежа в кровати, долго еще всхлипывала, перебирая в памяти события последних дней и те давние, о которых

обычно старалась не думать.

Ночь выдалась сумрачная и душная, как перед грозой.

Глава 6

Профессор-педофил и другие учителя жизни

Говорят, что с детьми не разводятся, но их семья, видимо, была исключением. Когда Дайнеке было двенадцать лет, от нее ушла мама. В то время они жили в Красноярске. Мама просто исчезла, не простившись и ничего не объяснив, и Дайнека долго не могла понять, почему эта беда случилась именно в их семье, где все так нуждались друг в друге.

Отец объяснил ей, что мама полюбила другого человека. Именно так, осторожно и неопределенно, он и сказал. Почему, Дайнека поняла намного позже. Еще папа добавил, что по-прежнему любит маму, но пока им придется пожить вдвоем, без нее.

Оглушенная и потерянная, бродила она по опустевшей квартире. Открывала родительский шкаф, в котором теперь висели одни только папины вещи, заглядывала под кровать, где уже не было знакомых тапочек. И ей никак не удавалось найти что-то, принадлежавшее маме, и только ей.

Когда Дайнека вошла в кладовую, она наткнулась на старенькую мамину сумочку и с волнением заглянула внутрь. На дне, затертые и пожелтевшие, лежали три билетика. Дайнека вспомнила тот давний поход в цирк и разразилась оглу-

шительным ревом, похожим на вой тревожной сирены. Горе было слишком большим, несоизмеримым с ее маленькой, никому не нужной теперь жизнью. Она причитала и всхлипывала от обиды на несправедливость, которая предназначалась кому-то другому, а выпала почему-то ей.

Но длилось это недолго. Ровно до того момента, когда Дайнека, зайдя в спальню родителей, увидела там отца, сидящего на кровати лицом к окну. Она увидела его со спины. Казалось, что оконный свет «съел» его силуэт. Ее обычно веселый сильный папа был похож на сломанную игрушку. И это еще больше потрясло Дайнеку. Она затихла и немедленно приняла решение: во что бы то ни стало вернуть маму.

Составляя тайные планы по ее возвращению домой, Дайнека представляла сцены их будущего семейного благополучия и видела отца – снова уверенного в себе и бесконечно счастливого. С каждым днем ее решимость крепла, и она уже знала, что нужно делать.

Замысел был таков. Сначала Дайнека узнает адрес, где живут мама и тот мужчина. Потом неожиданно придет к ним в гости. И будет приходить все чаще, до тех пор, пока не убедит маму вернуться. Уж это она сумеет. В том, что мама все еще любит ее, она и не сомневалась.

Когда план был составлен и проработан в деталях, дело было за малым – разузнать мамин адрес.

И вот тут-то начали происходить странные вещи. Едва она заводила речь о том, где сейчас живет мама, как сразу упи-

ралась в невидимую стену. Препятствие казалось непреодолимым. Отец под разными предлогами уходил от разговора и в конце концов твердо заявил, что не желает больше говорить на эту тему. Однако добавил: придет время, и они вместе пойдут в гости к маме. Но не теперь.

Дайнека была смышленной девочкой и нашла другой выход из положения – отправилась к маме на службу. В технологическом институте, где она работала на кафедре экономики, сказали, что Людмила Николаевна уволилась.

Дайнека в отчаянии заметалась по знакомым и подругам матери, но никаких результатов и это не принесло. Мать разорвала все связи, которые соединяли ее с прошлой жизнью. Так жалкая ниточка, на которой «болталась» Дайнека, тоже была оборвана, и девочка заскользила в никуда.

По прошествии времени, после жестоких терзаний и помыслов о самоубийстве, все решилось само собой. Однажды зимой Дайнека встретила маму на улице, и та привела ее в свой новый дом.

Дом как дом, обычная сталинка, и даже не в центре. Поднимаясь по лестнице, мама смущенно шурилась, несколько раз открывала и закрывала сумочку, словно пытаясь что-то найти. Сердце дочери разрывалось от любви и жалости. Дайнека решила про себя: каким бы ни оказался тот «другой человек», она будет сдержанной и даже поздоровается с ним.

Дверь распахнулась немедленно, после первого же звонка. На пороге стояла невысокая женщина, коротко стрижен-

ная и не очень красивая. Мужская рубашка, заправленная в темно-синие брюки, пузырем вздувалась на ее спине.

Дайнека вежливо поздоровалась, заглядывая в темноту коридора. «Он» был дома. меховая шапка, какие обычно носят зимой мужчины, лежала на стуле в прихожей.

– Знакомься, это Лариса, – сказала мама и замерла в ожидании ответа дочери.

– Очень приятно, меня зовут Людмила, – вежливо отозвалась Дайнека, назвав свое настоящее, такое же, как у мамы, имя (Дайнекой, или Дыней, ее, любя, называли близкие).

Втроем, они прошли на кухню, и Лариса засуетилась, согревая чай и накладывая варенье в вазочку. Мама накрывала на стол, а Дайнека вглядывалась в дверной проем, ожидая, когда придет человек, который разрушил ее жизнь.

Разговор за чаем не складывался. Лариса все время шутила, но никто не смеялся, а мама все больше терялась и наконец заплакала, прижав ладони к лицу.

Лариса резко встала, обронив:

– Думаю, вам надо поговорить.

И решительно направилась к выходу. Отняв руки от лица, мама с тревогой смотрела ей в спину.

– Подожди, ладно? Я провожу, – сказала она дочери и устремилась вслед за Ларисой в прихожую.

Лариса надела куртку и, протянув руку, взяла шапку, лежавшую на стуле. Она как-то по-особенному обняла маму и вышла, закрыв за собой дверь.

Дайнека ощутила, как под ней закачался пол этой ненавистой квартиры. Она почувствовала себя уничтоженной и одураченной одновременно. Теперь стало ясно, почему отец выразился так дипломатично. Тот другой никогда не выйдет из соседней комнаты.

«Другой человек» – это Лариса.

Их переезд в Москву тоже был бегством. Они с отцом бежали от своего одиночества и от прошлого, которое навсегда осталось в Красноярске. Спустя много лет Дайнека признала, что это было единственно верное решение, которое устраивало всех. В одном городе с мамой, пусть даже таком большом, как Красноярск, ей было трудно удержаться от того, чтобы не бегать к ее дому.

В чужом дворе под мамиными окнами Дайнека прожила целую жизнь, страдая от ревности и одиночества, но никогда больше не переступала порога ее квартиры. Много раз она тайком наблюдала за матерью. Иногда та проходила мимо вместе с Ларисой. Но чаще видела ее в окне, и было больно мириться с тем, что маме так хорошо в этих чужих стенах.

Однажды Дайнека столкнулась в этом дворе с отцом, который стоял за деревом и глядел в те же окна. Заметив ее, он растерялся. Потом крепко прижал к себе и прошептал:

– Милая моя... Мы уедем отсюда. Мы уедем...

Первый вопрос, который задали в московской школе: «Как там на Колыме?» – навсегда запомнился Дайнеке.

Не было ничего удивительного в том, что местные остро-словы знали о ее родине не больше, чем школьники из Нью-Йорка. Она быстро поняла, ей не обязательно объяснять, что Красноярск – вовсе не Колыма. На это всем было наплевать, как наплевать на все, что дальше Урала. Она гордилась тем, что родилась и выросла в Сибири.

Но гордилась молча.

Привыкание к новой школе осложнялось необходимостью касаться больной темы. Отвечая на вопросы о семье и стараясь выглядеть невозмутимой, Дайнека коротко излагала легенду о банальном разводе родителей. Правда, с каждым разом делать это становилось все легче. Труднее было примириться с колкостями сверстниц по поводу ее сибирского диалекта.

– Ты только послушай, – говорила девочка из ее класса, – как она «окает» и «чёкает»!

– А чего ты хотела? – отвечала другая. – Ты же знаешь, откуда она приехала...

Репутация безнадежной провинциалки, казалось, приклеилась к ней намертво.

В первые годы Дайнека много путешествовала вместе с отцом. Места, где они мечтали побывать, живя в Сибири, теперь оказались удивительно доступны и близки. Проехав чуть больше суток, можно было купаться в море, а на выходные уехать в Питер.

Поначалу это было удивительным, и они всю пользова-

лись новыми возможностями. Но постепенно у отца появились свои, не связанные с дочерью, интересы, и они стали реже бывать вместе. Потом он купил дачу, и в их жизнь вошла Настя.

По паспорту Настя-Здрастя была немкой, что было предметом ее особенной гордости и предъявлялось повсюду, как если бы это являлось личной заслугой или чем-то, подтверждающим ее исключительность.

Отец Насти, Николай Иванович Грэмб, был поволжским немцем, одним из тех, кто уже ни языка предков не знал, ни традиций. Но как только появилась возможность, Николай Иванович вслед за уехавшим братом засобирался в Германию, по настоянию и под руководством своей жены Серафимы Петровны, которая казалась большей немкой, чем ее муж.

Оформление документов затягивалось, и Серафима Петровна, поддавшись чемоданному настроению, приняла решение перебраться в Москву – поближе к долгожданному Дойчланду. В арендованной столичной квартире, где временно обосновалась их семья, проснувшись как-то утром, Николай Иванович закурил последнюю папиросу и упал за-мертво.

Все планы Серафимы Петровны были разрушены. Они уже никуда не уезжали, поскольку сама Серафима Петровна не могла претендовать на обретение новой родины. Отпустить дочь одну несостоявшаяся фрау Грэмб категорически

отказалась.

На деньги, которые должны были поддержать экономику Германии, купили комнату в коммуналке неподалеку от Белорусского вокзала. Комната была большая, но на первом этаже старого дома. Одна из стен соседствовала с мусоропроводом, и потому постоянными жителями комнаты (помимо Серафимы Петровны и Насти) по праву могли считаться откормленные на дармовщине крысы. По ночам было слышно, как они возятся под сухой штукатуркой стены или бесовестно перебегают по полу к дыре, ведущей на кухню.

В квартире обитали еще три семьи. Одной из них была «чистоплотная семья из Таджикистана». В общем коридоре целыми днями бегала орава детей – примерно одного роста, возраста и одной национальности. Кроме них были еще мама Лола и папа Фарид. Вся эта семья ютилась в одной комнате.

Рассматривая данные обстоятельства в совокупности, можно было бы предположить, что у Серафимы Петровны опустятся руки. Но подобный расклад был не по ней. Крушение надежд на переселение в Германию Серафима Петровна приняла мужественно. Она вообще хорошо усваивала уроки, которые преподавала действительность, и знала, что все зависит от умения влиться в хоровод жизни, по возможности попадая в такт. И если ты, случайно или намеренно, наступаешь на чьи-то ноги, твое собственное пространство значительно расширяется...

Серафима Петровна взялась за дело. Как она и хотела, по-

степенно все обустроилось. Сначала дети исчезли из коридора, а потом вместе с мамой Лолой и папой Фаридом отбыли на историческую родину, в Таджикистан. Каким-то необъяснимым образом выяснилось, что проживали они в Москве без соответствующего оформления.

Серафима Петровна безутешно повторяла, прощаясь с отъезжающими:

– Нам так вас будет не хватать...

Крысы, по ночам выходившие на водопой, тоже исчезли. Им трудно было противостоять напору Серафимы Петровны.

В комнате появилась добротная мебель. Настя поступила в колледж (попросту говоря, в ПТУ). Жизнь продолжалась.

Именно сюда, в эту комнату, однажды пришла Дайнека вместе с отцом в гости к его невесте. Они сидели за круглым столом, накрытым льняной скатертью и уставленным угощением. Настя и ее мама рекламировали свою стряпню, о чем-то рассказывали и смеялись. Дайнека с отцом ели, слушали и молчали.

– Я всегда говорю Настене, учи немецкий язык, – с достоинством рассуждала Серафима Петровна. – Я ей говорю: зитцен, пусть привыкает. Или, например, шпрехен, говорю я ей...

Видимо, их уроки немецкого языка так и проходили, и Серафиму Петровну не смущал тот факт, что сама она немецкого языка не знала. Ей мечталось, что когда-нибудь с помо-

пью этого немолодого человека, сидящего за ее столом, они вместе с дочерью обустраивают свою жизнь подобающим образом.

Так и случилось.

– Я хотел поговорить с тобой... – С этими словами однажды Вячеслав Алексеевич вошел в комнату дочери.

– Ты уходишь к ней? – не оборачиваясь, спросила Дайнека.

– Это серьезный разговор, прошу тебя, отвлекись...

– Я делаю уроки.

– Людмила!

Она поднялась со стула и встала напротив него:

– Ну?

И тут произошло то, чего Дайнека совсем не ожидала: отец растерялся. Он вдруг обнял ее за плечи, подвел назад к письменному столу, едва ли не силой усаживая на место:

– Прости меня. Не стану тебе мешать.

– Папа, – заговорила Дайнека, сдерживая слезы жалости к себе и к нему, – никто ни в чем не виноват. Я все понимаю... Только боюсь, что ты тоже бросишь меня. Скажи, что этого не случится – и тогда можешь уходить к ней.

Вячеслав Алексеевич склонился к дочери и, прижав ее голову к себе, горячо зашептал:

– Девочка моя, что ты говоришь?! Как я могу оставить тебя?! Речь совсем не о том. Я все обдумал: ты переедешь на дачу, и мы будем жить все вместе. Или, если хочешь, Настя с

Серафимой Петровной переберутся сюда, и у нас снова будет семья. Я хочу, чтобы мы все были счастливы! Тебе трудно меня понять... Мне пятьдесят, годы уходят – и мне страшно. А рядом с Настей я чувствую, что живу. Понимаешь? Да что я... – Отец махнул рукой и вышел из комнаты.

– Я понимаю, папа! Я все понимаю! – закричала Дайнека и побежала за ним.

Догнав его в коридоре, она крепко прижалась и быстро заговорила:

– Делай, как решил. Только позволь мне пожить здесь, пока не закончатся выпускные экзамены.

Вслед за выпускными экзаменами начались вступительные, и переезд снова отложили. А когда Дайнека поступила в университет, о ее переезде на дачу уже никто и не заводил речи.

С Ниной Дайнека познакомилась задолго до появления в ее жизни Насти-Здрасти – сразу, как только они с отцом переехали из Красноярска в московскую квартиру.

В первый же день Вячеслав Алексеевич отпустил дочь гулять с новой подругой, и Нина стала для Дайнеки проводником в новый мир, кем-то вроде столичного жителя, который помог растерянному провинциалу перейти через улицу. Благодаря ей Дайнека узнала и полюбила Москву. Она навсегда запомнила, как, широко распахнув руки, Нина прокричала:

– Дарю тебе Арбат!

Подруги стояли посреди шумной улицы, похожей на маленький базар. Где-то рядом, в толпе, звучала живая музыка, какой Дайнека никогда не слышала раньше. Отныне все казалось праздником. Она была уверена, что теперь-то и начинается ее главная и настоящая жизнь. Наконец отступила тоска, исчезли обида и растерянность, и больше не было ощущения, что ты чему-то изменил или кого-то предал...

Потом обе девушки сидели на стульчиках посреди мостовой. Художник, рисовавший портрет Дайнеки, оказался халтурщиком. А вот другой, хотя и был пьян, рисовал мастерски. Он был красив особенной, туберкулезной, красотой, которая быстро исчезает, превращая своего обладателя в иссохшую мумию. Его рука уверенно и красиво порхала из одного угла бумажного листа в другой. Под обычный алкогольный треп художник изобразил Нину с такой точностью, что та, увидев портрет, замешкалась, а потом наклонилась и поцеловала его в голову. «Туберкулезник» поднял глаза... и не взял денег.

С тех пор прошло восемь лет, а Нинин портрет, подаренный ею, до сих пор висел в Дайнекиной комнате.

Нина была старше на два года и уже училась в университете, когда пришла пора определяться Дайнеке. На последнем родительском собрании учительница английского языка сказала Вячеславу Алексеевичу, что его дочери ни за что не поступить в университет без репетитора. Обладая бесспорными способностями к языку, Дайнека говорила на неопре-

деленном диалекте, затрудняющем перевод. Английский в красноярской школе преподавала учительница по фамилии Золотая, но ее преподавание было «деревяннным».

Очень скоро нашелся репетитор – заслуженный, пожилой, с профессорским званием, имеющий к тому же фамилию Натансон.

Вячеслав Алексеевич был доволен. Ему казалось, что и звания, и фамилия послужат гарантией поступления дочери в университет.

Оказавшись в профессорском доме, Дайнека тут же была усажена на кожаный диван в гостиной. Она осмотрелась и потыкала пальцем в светлую диванную обивку, проверяя ее на подлинность.

– Деточка, уберите пальчик, вы можете разорвать кожу, – пропела елеинным голосом хозяйка дома с седыми букольками.

Она принесла чай, который должен был скрасить минуты ожидания. Проникнувшись глубочайшим уважением к профессору, Дайнека с наивным рвением явилась на пятнадцать минут раньше, несмотря на строжайшее наставление приходить точно в назначенное время. И это была еще одна провинциальная привычка, от которой ей предстояло избавиться.

Дайнека сидела в просторной комнате, уставленной дорогой мебелью, со множеством красивых антикварных вещей. Паркетный пол был застлан огромным ковром с кистями. По

углам стояли высокие китайские вазы.

Как только хозяин дома освободился, они прошли в его кабинет. Для начала Яков Абрамович вьедливо проэкзаменовал Дайнеку, потом с жалостью посмотрел на нее и вынес приговор, грассируя:

– Дело дрянь!

То, как он объяснял, учил и натаскивал, не поддавалось никакому описанию. Понимая, что поступление в университет теперь неизбежно, Дайнека усердно занималась.

И все было бы хорошо, если бы не одно тревожное обстоятельство.

На первом же занятии Яков Абрамович, проверяя диктант, склонился и как бы невзначай прижался к ней. Дайнека поежилась, но не придала этому значения. Уже через три занятия педагог, опять-таки совершенно случайно, жестикулируя, коснулся ее груди.

Девушка была в смятении. Не смея подумать, что профессор делал это умышленно, пыталась всему найти объяснение и не находила его.

Окончательную жирную точку в сомнениях поставила рука преподавателя, запущенная под ее юбку. С ровесником она бы, не задумываясь, рассчиталась за хамство. Но с профессором, стариком...

– Яков Абрамович, пожалуйста, не надо, – жалобно попросила Дайнека.

– Деточка, миленькая, а я ничего особенного и не делаю.

Вы такая хорошенькая, что выше моих сил не обращать на это внимания.

Дайнека не знала, как ей быть и к кому обратиться за помощью. Рассказать обо всем отцу было стыдно. Не хотелось его провоцировать на расправу с профессором-педофилом. Получалось, что и посоветоваться-то не с кем.

С каждым последующим уроком профессорские домогательства набирали силу, а фантазии заходили все дальше. Девушка молча сопротивлялась, а когда выходила из кабинета, профессорская жена в седых букольниках понимающе улыбалась.

В конце концов действия репетитора стали еще решительней: он попытался завалить ученицу на кушетку. С трудом отбившись, Дайнека решила, что дальше так продолжаться не может. Ощущение безысходности перерастало в депрессию.

Однажды, стоя на балконе, Дайнека смотрела вниз и думала: «Шагнуть – и все закончится». Нина схватила подругу за шиворот.

– Что с тобой? – испуганно спросила она. – Случилось что-нибудь? Я же вижу, случилось... Колись!

Дайнека разрыдалась. Захлебываясь и глотая слова, открыла ей страшную тайну. Никогда больше она не видела Нину такой разъяренной.

В тот же вечер подружки подкараулили Якова Абрамовича во дворе и применили к нему воспитательные меры. Про-

фессор, как мог, прикрывался руками, а Нина била его сумкой по плечам и по спине, приговаривая:

– Будешь еще приставать, хрен старый, будешь? Молоденькую тебе захотелось... Вот тебе, вот тебе молоденькая, козел!

Назавтра, когда Дайнека пришла на занятия, Яков Абрамович, не глядя в глаза, сказал:

– Знаете ли, деточка, боюсь, что нам с вами придется расстаться. Я что-то неважно чувствую себя... в последнее время. Надеюсь, вы достаточно хорошо подготовлены. Мое почтение бабушке.

В университет Дайнека поступила.

Светало.

«Нина была лучшей подругой на свете, красивой и доброй. Однако и лучших настигает злая судьба...» – Дайнека горько всхлипнула и, повернувшись на другой бок, забылась наконец глубоким сном, похожим на беспамятство.

Глава 7

Что случилось, того не воротишь

Прощание получилось недолгим. То ли график ритуального зала был напряженным, то ли сознание Дайнеки погрузилось в режим нереального времени. Она не хотела мириться с происходящим и потому видела только живые цветы и слышала абсолютную тишину.

В полупустом катафалке, где кроме матери Нины и Семёна Семеновича были еще несколько незнакомых ей людей, Дайнека хотела только одного: чтобы все это скорее закончилось.

Нину похоронили на старом московском кладбище, рядом с давно умершими родственниками. Среди старинных надгробий для нее нашелся маленький клочок кладбищенской земли, выкупленный много лет назад бабушкой Эльзой Тимофеевной, которая тоже уже лежала здесь.

Когда Дайнека вернулась домой, она уснула, и ей ничего не снилось.

Сон был прерван шумом, похожим на грохот водопада.

С подоконника во все стороны разлетались холодные брызги, до самой кровати растеклась огромная лужа. Вскочив с постели, Дайнека закрыла окно и замерла, ощутив гип-

нотическое воздействие ливня.

После затяжной изнуряющей жары небо щедро отдавало долги, обрушив на Москву неистраченные запасы воды. Из водосточных труб вырывались мощные потоки, словно стремясь до краев наполнить гигантский каменный колодец. Воображение просчитывало скорость его наполнения, рождая фантазии, от которых удушьем сдавило горло.

Тропический ливень казался стихийным ответом на катастрофу в жизни самой Дайнеки, созвучным ее внутреннему состоянию.

Она долго стояла у окна, с тоской внимая гулкой пустоте квартиры. А когда тишину разорвал дверной звонок, вздрогнула и устремилась в прихожую.

В квартиру бодренько вбежала Тишотка, за ней вошла Аэлита Витальевна. Наглотавшаяся лекарств, мать Нины казалась заторможенной, почти равнодушной, однако и теперь не давала себе послабления – ее губы, как всегда, алели яркой помадой.

– Здравствуй, Людочка. Ты прекрасно выглядишь, и черный цвет тебе к лицу.

Дайнеку передернуло от этих слов. Слишком спокойно они были сказаны. Аэлита Витальевна опустилась в кресло, где еще недавно сидела Нина.

– Я хотела посоветоваться с тобой, Людочка. Что мне делать с собакой? Я нашла ее в квартире. – Аэлита Витальевна посмотрела на Тишотку. – Она не твоя?

– Моя, – неожиданно для себя сказала Дайнека. – Иди сюда, Тишотка...

Собака уверенно запрыгнула на диван и улеглась рядом с ней, свернувшись калачиком.

Аэлита Витальевна задумалась и, как бы вторя своим мыслям, проговорила:

– Я не знала, как живет моя дочь. Давно уже не знала... – Женщина обвела комнату глазами и, увидав карандашный портрет Нины, заплакала:

– Никогда не видела этот рисунок. Откуда он у тебя?

– Много лет назад его нарисовал один пьяный художник.

– Нина боялась жизни... – Аэлита Витальевна не отрывала взгляда от портрета дочери.

– Нина любила жизнь, – возразила Дайнека.

– Бедная моя девочка... – прошептала Аэлита Витальевна. – Я стояла у окна и ждала Семен Семеныча, когда она позвонила и сказала, что приедет. А потом вдруг закричала. Людочка, как она кричала!

Вглядываясь в плачущую Аэлику Витальевну и пытаясь понять, что происходит, Тишотка удивленно крутила головой. Потом спрыгнула с дивана, хлопнулась на коврик и принялась чесать задней лапой за ухом.

Дайнека не знала, что сказать. Слова утешения не находились, их просто не могло быть. Аэлита Витальевна больше не смотрела ей в глаза, а, потупившись, ушла в свои мысли. Шум за стеной вернул ее в реальность. Она ожила и, видимо,

вспомнила о цели своего прихода:

– Людочка, я оставлю тебе ключи. Присмотри, пожалуйста, за квартирой.

Не найдя, что еще сказать, она попрощалась. Дайнека закрыла за ней дверь.

Аэлита Витальевна вошла в квартиру Нины.

– Литочка, детка, где ты была? – спросил Семен Семеныч.

– К соседям ходила, отдала Людочке ключи. Попросила приглядывать за квартирой.

– Глупо отдавать ключи чужому человеку, – сказал Семен Семеныч.

– Людочка не чужая, – ответила Аэлита Витальевна тусклым голосом. – Сема, а что ты делаешь?

Семен Семеныч, стоя на стремянке, рылся в антресолях.

– Ничего особенного, как видишь. Квартира старая, вдруг чего завалилось? Здесь столько всего накопилось... Квартиру нужно продавать.

– О чем ты, Сема-а-а-а... – Аэлита Витальевна опустилась на стул. – Нину убили, ты понимаешь? Нину уби-и-и-и-и! – Она заплакала, почти завывала.

– Что случилось, того не воротишь, – деловито проговорил Семен Семеныч. – Не плачь, Литочка, не плачь.

Пол дрогнул от упавшего свертка, по коридору разлетелась пыль. Семен Семеныч прицелился и с невероятной ловкостью кинул пакет. Потом коробку и снова пакет.

Всякий раз, когда Семен Семеныч что-то сбрасывал с антресолей, Аэлита Витальевна испуганно вздрагивала. Из комнаты сквозь шум слышался телефонный звонок. Она подошла к аппарату, медленно подняла трубку:

– Да...

– Пригласите, пожалуйста, Нину.

– Ее больше нет.

– Простите, кажется, я ошибся номером.

– Вы не ошиблись, Нины больше нет...

Сзади и сбоку незаметно вынырнул Семен Семеныч:

– Ты должна довериться мне, я обо всем позабочусь.

Он поцеловал ее в висок и мягко прошелся по комнате.

Прильнув к буфетному стеклу, спросил:

– Литочка, как ты думаешь, сколько вон та статуэточка стоит?

Не услышав ответа, мечтательно прошептал:

– Не де-е-ешево, однако.

И улыбнулся счастливой улыбкой.

Тишотка ела вареники. Ела, как в последний раз, волнуясь и вздрагивая. Дайнека сидела на корточках и приговаривала:

– Не торопись, не торопись. Ты, оказывается, тоже любишь вареники. У нас много общего.

Она поглаживала собаку по голове, а та недоверчиво ворчала, подкидывала очередной кусок, тут же его заглатывала и хваталась за другой. Худая слабая шейка трогательно вы-

тягивалась. Вареники на тарелке таяли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.